

Ковшикова Наталья Викторовна

О КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ АДВЕРБИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

В статье рассматриваются особенности адвербиальной модификации наречиями на -ly, в которой передается ориентированная на субъект оценка. Основным фактором, определяющим возможность такой модификации и ориентированности, является семантическое сочетание прилагательного, от которого образовано наречие, с субъектом. Анализ механизма адвербиальной модификации показывает, что в нем имеются сходства с механизмом перенесенного эпитета. Кроме того, автор подчеркивает, что в процессе модификации так называемые "наречия образа действия" передают качества и свойства субъекта, поэтому термин "наречия образа действия" не совсем полно передает многогранность процесса модификации наречиями на -ly.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 81-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.111'1

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности адвербиальной модификации наречиями на *-ly*, в которой передается ориентированная на субъект оценка. Основным фактором, определяющим возможность такой модификации и ориентированности, является семантическое сочетание прилагательного, от которого образовано наречие, с субъектом. Анализ механизма адвербиальной модификации показывает, что в нем имеются сходства с механизмом перенесенного эпитета. Кроме того, автор подчеркивает, что в процессе модификации так называемые «наречия образа действия» передают качества и свойства субъекта, поэтому термин «наречия образа действия» не совсем полно передает многогранность процесса модификации наречиями на *-ly*.

Ключевые слова и фразы: субъект; ориентированная на субъект оценка; перенесенный эпитет; перенос качества; оценивание; модификация.

Ковшикова Наталья Викторовна

Пятигорский государственный лингвистический университет
KNV745@yandex.ru

О КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ АДВЕРБИАЛЬНОЙ ГРУППЫ[©]

Адвербиальная группа состоит из вершинного слова, чаще всего наречия, и зависимых от него слов. Наиболее многочисленными вершинными словами адвербиальной группы являются наречия образа действия, в основном представленные лексическими единицами, оканчивающимися на *-ly*, которые чаще всего выполняют функцию модификаторов глаголов. Но из-за обширности этого класса и их семантического многообразия лингвисты разработали несколько классификаций наречий образа действия, выделив в них ряд подгрупп (Р. Джэкендофф [12], Т. Эрнест [8], В. Гойдер [9], С. Майенборн и М. Шэфер [13] и др.). Несмотря на небольшие различия в подходах к категоризации наречий образа действия, авторы едины в том, что одним из ведущих признаков этого класса наречий является ориентированность. Она может быть самой разной, направленной на:

1) предикат, выраженный смысловым глаголом:

(1) *Ripman stopped in a stand of poplars, waved his hand for silence, then unslung his bow and notched an arrow. John and Cubby imitated him clumsily* [6]. / Рипман остановился у тополей, помахииванием руки попросил тишины, затем достал лук и вставил в него стрелу. Джон и Кабби **неуклюже имитировали** его (*перевод мой – Н. К.*).

Из контекста видно, что через наречие происходит передача оценки качества действия, и это оценивание происходит со стороны рассказчика, который определяет, что имитация не очень удачная;

2) субъект:

(2) «*I left instructions that no further orders were to be taken*», *Lars said, angrily furrowing his brows as he glared at the comscreen* [14]. / «Я оставил инструкции, поэтому не надо больше никаких приказов», – сказал Ларс и сердито **морщил брови**, гневно смотря на экран компьютера (*перевод мой – Н. К.*).

В этом примере ситуация иная. Есть действие, и оценивание этого действия происходит через оценку самого субъекта, который был сердитым, соответственно, также морщился и сердито смотрел, то есть в нескольких элементах предложения имеется значение ненависти. Таким образом, свойства субъекта переносятся на качество действия;

3) обстоятельства выполнения действия [5, p. 292]:

(3) *Vittoria mustered every bit of courage she could find to fight the tears. She forced herself to hold on and assess the situation logically* [2]. / Виттория изо всех сил старалась не заплакать. Она заставила себя не торопиться и **оценить** ситуацию **логически** (*перевод мой – Н. К.*).

В этом примере событие сопровождается логической оценкой.

Наиболее частотным является второй вариант – ориентированность на субъект.

Таким образом, под ориентированностью на субъект понимается наличие имплицитной связи наречия с субъектом предложения, а именно передача первичной характеристики наречия от глагола к сочетающемуся с ним субъекту [17, p. 263]. При этом при ориентированности имеет место оценивание ситуации и субъекта, поэтому под ориентированностью на субъект следует понимать ориентированную на субъект оценку.

Из приведенных примеров видно, что ориентированность может быть прямой (при модификации компонентов глагольной группы) или косвенной (через приписывание качества субъекту).

Наиболее интересным представляется рассмотрение примеров с ориентированной на субъект оценкой, так как при таком комплексном подходе можно глубже понять механизм процесса адвербиальной модификации, ведь помимо непосредственного события, обозначающего глаголом, его признаков, вводимых наречием, важным элементом модификации выступает и сам субъект. Однако процесс передачи характеристик от наречия к субъекту непростой.

(4) Kohler *pointed angrily* at Vetra's body. «Considering the evidence, I would say perhaps the conspiracy buffs are correct» [2]. / Колер **гневно указал** на тело Ветра. «Принимая во внимание доказательства, я бы сказал, что, вероятно, любители тайных заговоров правы» (*перевод мой* – Н. К.).

В этом примере модификация происходит косвенно, через прилагательное, от которого образовано наречие. А прилагательное характеризует субъект, состояние которого переносится на действие. Иными словами, прилагательное *angry* (*having strong feelings about something that you dislike very much or about an unfair situation* [11, p. 40] / имеющий сильные чувства к тому, что очень не нравится или к несправедливой ситуации (*перевод мой* – Н. К.)) сообщает нам о том, что субъект был сердит, и именно это качество проецируется посредством наречия на глагол. То есть прилагательное как бы дополняет действие.

Из примера (4) видно, что помимо наречия и глагола в процессе модификации рассматривается прилагательное, так как ориентированная на субъект оценка возможна только в том случае, если прилагательное, от которого образовано наречие посредством добавления суффикса *-ly*, семантически связано с субъектом предложения [17, p. 265], то есть это прилагательное может быть предикатом субъекта [15, p. 573].

Кроме того, некоторые лингвисты (Р. Джэкендофф [12], Р. Кверк с соавторами [15], С. Валера [17], Б. Шаер [16], В. Гойдер [9], Д. Дельфитто [7]) утверждают, что дистрибутивный фактор также важен для возникновения ориентированности на субъект. Так, согласно их мнению, этот эффект возникает только в начальной и серединной позиции наречия:

(5) *She approached. Carefully, she aligned her eye with the lens* [2]. / Она подошла. Очень **аккуратно**, она встала на один уровень с объективом (*перевод мой* – Н. К.).

(6) «So, tell me what happened?» *she bravely asked* Boira who was sitting beside her bunk, an open medical chest on a stand next to her [14]. / «Ну, скажи, что же произошло?» – она **смело спросила** Бойра, который сидел около ее койки, открытой медицинской коробки, находящейся на подставке около нее (*перевод мой* – Н. К.).

Но Р. Кверк с соавторами и С. Валера считают, что позиция в предложении – это неисчерпывающее условие для появления ориентированной на субъект оценки. Более важным фактором они считают семантическую сочетаемость наречия, базой которого является прилагательное, с субъектом. При отсутствии же синтаксических различий только семантический фактор определяет ориентированность.

(7) a. *Casually, Leslie greeted the stranger in an offhand way.* / **Непринужденно**, Лесли свободно поприветствовала незнакомца (*перевод мой* – Н. К.).

b. [*Leslie was casual*]. / [Лесли была непринужденной] (*перевод мой* – Н. К.).

(8) a. *Accidentally, Bernadette dropped the plate.* / **Случайно**, Бернадетт уронила тарелку (*перевод мой* – Н. К.).

b.* [*Bernadette was accidental*] [15, p. 573]. / *Бернадетт была неслучайной.

В примере (7) наречие *casually* (непринужденно) передает обозначаемый прилагательным *casual* (непринужденный) (*not showing much care or thought; seeming not to be worried; not wanting to show that something is important to you* [11, p. 182] / не показывающий большого внимания или мыслей о чем-либо; делающий вид ничем не обеспокоенного человека; не желающий показывать, что что-либо очень важно (*перевод мой* – Н. К.)) признак, который приписан субъекту, представленному одушевленным референтом. В случае с наречием *accidentally* (непредумышленно, случайно), появление оценочной ориентированности невозможно, так как оно не характеризует субъект, а является сентенциальным наречием.

Следующий пример также подтверждает ведущую роль семантики в возникновении ориентированности на субъект.

(9) *Agnes came palely behind* [17, p. 268]. / Агнес, побледневшая, шла сзади (*перевод мой* – Н. К.).

Прилагательное *pale* (*having skin that is almost white; having skin that is whiter than usual because of illness, a strong emotion* [11, p. 914] / имеющий практически белый цвет кожи; имеющий цвет кожи, блее обычного из-за болезни, сильных эмоций) отмечает свойства субъекта, связанные с его общим состоянием. Эти свойства представлены как синтаксически связанные с предикатом, то есть с характером действия, и в связи с особенностями позиции, в которой они употребляются, имеют форму наречия, но семантически они продолжают модифицировать субъект, а не характер действия, потому что действие с характеристиками слова *pale* (бледный) невозможно (нельзя приходиться бледно).

Следовательно, в примерах такого типа прилагательное, будучи предикатным словом, не только передает признак субъекта, но и становится связующим имплицитным звеном между субъектом и характером действия или состояния. Процесс модификации, соответственно, проходит в несколько этапов: от наречия через базовое прилагательное к субъекту, а далее происходит перенос характеристик субъекта на действие или процесс.

Эффект ориентированности также возникает и при адвербиальной модификации в адъективной группе. Но если в глагольной группе модификатор мог располагаться в начале или в середине предложения, то в адъективной группе для него фиксирована только препозиция относительно прилагательного. Модификация в адъективной группе имеет более «прямой» путь к субъекту, так как прилагательное само уточняет свойства вершины именной группы, и, соответственно, наречие через интенсификацию семантики прилагательного косвенно модифицирует именную вершину:

(10) a. *Fritz, whose opinions and principles were outraged, and who was furiously indignant on Vicky's behalf, came out in the open...* / Фриц, чьи мнение и принципы были весьма решительными гневными, и который был **неистово возмущен** Вики, выступил открыто (*перевод мой* – Н. К.)...

b. [*Fritz was indignant and furious*] [17, p. 269]. / [Фриц был возмущенным и неистовым] (*перевод мой* – Н. К.).

В этом примере наречие выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно изменяет скалярность прилагательного и усиливает его экспрессивный компонент. Этому способствует и наличие схожих сем [ANGER] (гнев) у прилагательных в примере (10b) *furious* (неистовый) (*very angry* [11, p. 523] / очень гневный (*перевод мой – Н. К.*)) и *indignant* (возмущенный) (*feeling or showing anger and surprise because you think that you have been treated unfairly* [Ibidem, p. 661] / испытывающий и показывающий гнев и удивление, потому что вам кажется, что к вам относились несправедливо (*перевод мой – Н. К.*)). С другой стороны, *furiously* (неистово) косвенно отражает состояние субъекта, то есть формирует оценку, ориентированную на него.

Переносы свойств, которые происходят при адвербиальной модификации в глагольной и адъективной группах, напоминают механизм перенесенного эпитета, возникающего в именной группе. Суть этого стилистического эффекта состоит в сочетании атрибута, свойственного одушевленным предметам, с существительным, обозначающим неодушевленные или абстрактные понятия [1, с. 15].

Рассмотрим следующий пример:

(11) *Finally, the computer pinged happily* [4]. / Наконец, компьютер **радостно загудел** (*перевод мой – Н. К.*).

В этом предложении исполнителем действия является компьютер – предмет неодушевленный, а наречие *happily* (счастливо) (*in a cheerful way; with feelings of pleasure or satisfaction* / весело; с чувством удовольствия и удовлетворения (*перевод мой – Н. К.*)), которое характеризует действие, выполняемое им, в своей семантике имеет только присущие одушевленному референту свойства. Но анализ этого примера с когнитивных позиций позволяет восстановить реальную ситуацию, в которой компьютер метонимически представляет человека, на нем работающего, а наречие актуализирует его эмоции.

Похожее появление стилистического эффекта наблюдается и в следующем примере:

(12) «*Even the Chairman, who sat with his fingers draped gracefully around a sake cup, stole glimpses of her from time to time*» [10]. / «Даже Председатель, который сидел и **изящно обвивая** пальцами чашку sake, время от времени посматривал на нее» (*перевод мой – Н. К.*).

Глагол *drape* (драпировать) имеет значение *to hang clothes, materials, etc. loosely on somebody / something* [11, p. 381] / свободно вешать одежду и материалы на кого-либо / что-либо (*перевод мой – Н. К.*), то есть он в своем основном значении описывает действие, свойственное неживому организму или, точнее, ткани. Наречие *gracefully* (изящно) определяется от соответствующего прилагательного как *moving in a controlled, attractive way or having a smooth, attractive form* [Ibidem, p. 558] / двигающийся привлекательно и контролирующий движения, имеющий гладкую и привлекательную форму (*перевод мой – Н. К.*). Таким образом, оно в приведенном сочетании включает механизм метафоры (олицетворения). В этом примере также есть и ориентированная на субъект оценка, но в форме метонимии, так как присутствует партитивное соотношение: рука / человек.

Проанализировав приведенные выше примеры с наречиями на *-ly*, можно констатировать, что во всех случаях так называемые «наречия образа действия» указывают на качество субъекта или компонента события, но никак не на «образ действия». Например:

(13) «*All meteorites exhibit that charring*». *Corky moved quickly to the next sample* [3]. / У всех метеоритов есть такой уровень обугливания. Корки **быстро перешел** к следующему образцу (*перевод мой – Н. К.*).

В этом предложении, несмотря на строгое соблюдение синтаксиса наречия (постпозиция), все равно нет явного указания на «образ» действия, но присутствует оценочная ориентированность высказывания: Корки оценил ситуацию и предпочел быстро от нее уйти.

В этой связи возникает предположение, что термин «наречие образа действия» не совсем правильно отражает всю многогранность модификационных особенностей этого класса слов. «Наречия образа действия» лишь подчеркивают само действие и его характеристики, совершенно не принимая во внимание субъекта, ситуацию, говорящего, а также тот факт, что такие наречия могут выступать в качестве модификаторов прилагательных, которые сообщают о признаках предмета или человека. Истинная задача этих слов – переключать внимание или усиливать какие-либо элементы ситуации. В когнитивно-семантическом плане прагматика их употребления обусловлена ситуационными факторами, а также когнитивными возможностями соположения слов такого типа с соответствующими субъектам и предикатами в определенных когнитивных ситуациях.

Список литературы

1. Кубаева Ф. П. Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 29 с.
2. Brown D. Angels and Demons [Электронный ресурс]. URL:
3. <http://etextlib.ru/Book/Details/25410> (дата обращения: 10.07.2013).
4. Brown D. Deception Point [Электронный ресурс]. URL: http://books.google.ru/books/about/Deception_Point.html?id=eiNnSBqWvU0C&redir_esc=y (дата обращения: 10.07.2013).
5. Brown D. The Da Vinci Code [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramotey.com/books/1269017940.htm> (дата обращения: 21.08.2013).
6. Cobuild C. English Grammar. The University of Birmingham: Harper Collins Publishers, 1995. 365 p.
7. David J. F. Footprints of Thunder [Электронный ресурс]. URL: http://books.google.ru/books/about/Footprints_of_Thunder.html?id=ZVklLjZ3WwkC&redir_esc=y (дата обращения: 25.07.2013).
8. Delfitto D. Adverb Classes and Adverb Placement // The Blackwell Companion to Syntax / eds. M. Everaert, Riemsdijk van H. Malden. Mass.: Blackwell Publishing, 2005. Vol. 1. P. 83-120.
9. Ernst T. The Syntax of Adjuncts. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 555 p.
10. Geuder W. Oriented Adverbs: Issues in the Lexical Semantics of Event Adverbs. Konstanz: Universität Tübingen, 2002. 213 p.

11. Golden A. Memoirs of a Geisha [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/27256/> (дата обращения: 07.05.2013).
12. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Sixth Edition. Oxford: Oxford University Press, 2004. 1539 p.
13. Jackendoff R. Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge, Massachusetts & London, England: MIT Press, 1972. 400 p.
14. Maienborn C., Schäfer M. Adverbs and Adverbials. Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2010. Vol. 1. 31 p.
15. McCaffrey A. Crystal Line [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.bookos.org/book/258394/52fb3d> (дата обращения: 25.07.2013).
16. Quirk R. A., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London – N. Y.: Longman, 1985. 1779 p.
17. Shaer B. Syntactic Position and the Reading of 'Manner' Adverbs // ZAS Papers in Linguistics. Berlin: ZAS, 2000. Vol. 17. P. 265-286.
18. Valera S. On Subject-Orientation in English -ly Adverb // English Language and Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Vol. 2. Issue 2. P. 263-282.

ON COGNITIVE-PRAGMATIC COMPONENTS OF ADVERBIAL GROUP

Kovshikova Natal'ya Viktorovna
Pyatigorsk State Linguistic University
KNV745@yandex.ru

The article considers the features of adverbial modification by adverbs ending in -ly, which conveys subject-oriented evaluation. The main factor determining the possibility of such modification and orientation is the semantic combination of an adjective that forms a denominative adverb with a subject. The analysis of the adverbial modification mechanism shows that there are some similarities to the mechanism of transferred epithet. In addition, the author stresses that in the process of modification the so-called "adverbs of manner" convey the qualities and properties of the subject, so the term "adverbs of manner" is not fully conveys the diversity of a modification process by adverbs ending in -ly.

Key words and phrases: subject; subject-oriented evaluation; transferred epithet; quality transfer; evaluation; modification.

УДК 82-344

Филологические науки

В статье предлагается рассматривать систему персонажей фэнтези в аспекте создания образа «героя-коллектива» – целой группы героев, совместные усилия которых помогают достижению общей цели. Отмечается, что состав «героя-коллектива» может частично варьироваться в сюжете, при этом возможно выделение доминирующего персонажа, остающегося неизменным членом коллектива.

Ключевые слова и фразы: фэнтези; литературная сказка; фольклорная сказка; герой; система персонажей.

Королькова Яна Владимировна, к. филол. н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
korolkovatomsk@yandex.ru

«ГЕРОЙ-КОЛЛЕКТИВ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФЭНТЕЗИ[©]

В современном отечественном фантастиковедении литература о фэнтези представлена работами разного уровня. На фоне множества критических работ обзорного характера и немногочисленных научных статей, тяготеющих к теоретическому осмыслению феномена фэнтези, можно выделить шесть известных нам литературоведческих диссертаций, в которых теоретические посыпки подтверждаются анализом художественных текстов (или хотя бы примерами из них) [1; 7-9; 14; 19].

Интересно, что в трех из шести исследований анализ связан с категорией героя, что видно из названий глав и параграфов: «Главные герои фэнтези» [7], «Образ героя фэнтези в аспекте усвоения архаического и фольклорного опыта», «Функции главного героя в сюжете романной серии М. Семеновой», «Образ главного героя трилогии» [8], «Герой в сказочно-мифологическом фэнтези М. Семеновой —Вжодав»», «Эволюция героя» [9]. Образ героя фэнтези является основным предметом изучения в диссертации Е. А. Чепур [19]. Отметим, что в соответствующих частях названных работ речь идет о *главном герое* конкретного произведения, а употребление множественного числа («герои») объясняется обращением к нескольким текстам.

Приведенный пример дает повод думать о тенденции современного фантастиковедения к исследованию поэтики фэнтези в аспекте образа главного героя как одной из основных. Такой путь изучения как будто